

Коновер Уиллис

8.92

Америка -
1992 -
август -
с. 48-54.

Из альбома памятных вырезок Уиллиса Коновера: интервью с джазовой певицей Эллой Фицджералд (слева) и кларнетистом, «королем сунга» Бенни Гудманом (внизу).

Дейв Бэрнс

ДЖАЗОВЫЙ ГОЛОС АМЕРИКИ

Уиллис Коновер почти сорок лет ведет передачу о джазе по «Голосу Америки».

KENNETH E. WHITE

Мя самого известного в мире специалиста по джазу мало кому известно в Америке. Вот уже 37 лет радиостанция «Голос Америки» вещает программу Уиллиса Коновера «Музыка США». Его голос безошибочно узнают в мире миллионы людей, с которыми Уиллис делится своей любовью к джазу.

Коновер говорит о музыке и ее исполнителях как знаток, посвятивший свою жизнь изучению джазовой музыки. Близкая дружба связывает его с ведущими исполнителями джаза. И тем не менее при всей его уверенности в оценке и выборе записей, он высказывает свои суждения с исключительной скромностью. На первом плане в его передачах всегда стоят музыка и музыканты, он никогда не говорит о себе. Он не острит и не оригинальничает, а просто и доходчиво представляет искусство джаза.

Секрет его замечательного творческого долголетия в том и кроется, что он не ставит себя на первый план — он непретенциозен и сдержан. Второй его секрет — последовательность и постоянство. Когда Коновер ведет свою программу, слушатели знают, что, будь то ранний Армстронг или последняя новация, в эфире прозвучат самые лучшие образцы с краткими и содержательными комментариями. Этого ждут от Уиллиса. Это и получают.

По дороге на радио

Уиллис Кларк Коновер родился 18 декабря 1920 года в Буффало на озере Эри на севере штата Нью-Йорк. Отец Уиллиса был армейский офицер и, как семья всех военнослужащих, Коноверы часто переезжали. Уиллис каждый раз был в классе новеньким, чужаком.

— Только успеешь подружиться с кем-то из ребят, как отца переводят в другое место, — вспоминает он.

За годы учебы Уиллис сменил 25 школ! Кочевая жизнь научила его жить одиноко, без друзей, и мальчик пристрастился к чтению. Особенно жадно он поглощал журналы, печатавшие фанта-

стику и приключения. В 15 лет Уиллис стал выпускать свой собственный журнал «Корреспондент научной фантастики», благодаря которому любители этого жанра могли переписываться с любимыми авторами и друг с другом.

Его любимым автором был Х. П. Лавкрафт (1890—1937), чьи страшные истории о злых духах и привидениях были написаны отличным литературным языком. Когда Лавкрафт заболел раком, он стал писать меньше рассказов и больше писем. Дружеские узы связали его с преданным корреспондентом, мальчиком по имени Уиллис. В 1975 году Коновер опубликовал книгу мемуаров «И, наконец, Лавкрафт», где собраны письма, которыми они обменивались в последние восемь месяцев жизни писателя.

В 1939 году в возрасте 18 лет Коновер стал работать на радиостанции в Солсбери, штат Мэриленд, маленьком городке на берегу Чесапикского залива. Когда я заметил, что, значит, он выступает по радио уже 53 года, Уиллис рассмеялся:

— Я всем рассказываю, что голос у меня сломался в восемь лет и я тут же начал вещать!

В Солсбери он читал в микрофон новости. Кроме того, ему как молодому стажеру полагалось по вечерам подметать пол во всех помещениях.

Потом ему предложили работу на радиостанции в Камберленде на западе штата Мэриленд. Коновер брал интервью у людей на улице, но чаще всего вел программу популярной музыки. Но она ему быстро надоела, поэтому он стал крутить пластинки, которые занимал в соседнем магазине. Коновер вспоминает:

— Владелец магазина был профессиональный музыкант. Однажды он сказал мне: «Ты, видно, любишь джаз?» — «Джаз? Что это такое?» — спросил я. Он сказал: «Ну пластинки, которые ты передаешь: Луис Армстронг, Бенни Гудман, Джимми Ланфорд...». — «Так это и есть джаз?» — «Ну, конечно. Начни читать журнал «Даун бит», многое узнаешь».

В 1942 году его призвали в армию.

— На призывном пункте новобранцев спрашивали, чем они занимались, чтобы использовать их знания в армии. Меня спросили: «Последнее место работы?» — «Ведущий на радио». — «Что вы там делали?» — «Читал последние известия, готовил музыкальные программы, интервьюировал знаменитостей», ответил я.

Коновера зачислили в команду, которая «интервьюировала» призывников.

— Я оказался в Форт-Миде, неподалеку от баров Балтимора, — продолжает Коновер. — Если же ехать в другую сторону, то было недалеко до Вашингтона, где я больше всего любил танцзал для военных «Стейдж дор кантин». Военным там давали бесплатную еду и безалкогольные напитки. Кроме того, туда пускали девушек, с которыми можно было танцевать. Однажды вечером в танцзале передавали легкую музыку. Сама по себе это была совсем неплохая музыка, но она не годилась для танцев.

Я спросил, нельзя ли мне самому выдать пару пластинок. Менеджер не возражала. Я поставил буги-вуги Тома Дорси и другие джазовые шлягеры. И все вернулись в танцзал, восклицая: «Вот это музыка! Вот это да!».

Менеджер познакомила Коновера со своим мужем, директором радиостанции WEAM, и тот предложил Уиллису вести на полставки музыкальную программу.

— Таким образом, через несколько недель после призыва в армию, я снова очутился на радиостанции, — рассказывает Коновер. — Я работал по субботам и воскресеньям, когда получал увольнительную. Всю войну я передавал джаз по WEAM. Это была первая джазовая программа в Вашингтоне, и она до сих пор существует.

Джаз и новые друзья в Вашингтоне

— Во время и после войны в Вашингтоне было много джазовой музыки. В больших кинотеатрах не только показывали фильмы, но и давали эстрадные концерты, часто с хорошими составами, — продолжает Коновер. — В Вашингтоне я познакомился со многими джазменами. У меня завязалась дружба с такими замечательными исполнителями, как Нат Кинг Кол, Элла Фицджералд, Перл Бейли... Я знакомился со всеми джазменами, выступавшими в столице. Большинство из них не были знаменитостями. Но для меня все они были замечательными людьми.

— Самые дружеские отношения сложились у меня с изумительным пианистом Артом Тейтумом. Еще когда я был юношей и только открывал для себя джаз, мне попались четыре его пластинки на 78 оборотов. Я никогда до того о нем не слышал, но продавец уверял, что это самый лучший пианист в мире, и я купил этот набор. В ближайшей моей радиопередаче прозвучала в его исполнении «Элегия» Массне. Первые такты действительно принадлежали Массне, а потом басы зарокотали, в левой руке обозначились четкие ритмические удары, правая рассыпалась такими каскадами, что было полное ощущение, что играют два пианиста. В конце прозвучали аккорды, напоминавшие рахманиновский концерт. Я был сражен...

— Самыми восторженными ценителями Тейтума, — продолжает Коновер, — были, конечно, музыканты. Все признавали его непревзойденным мастером. Помните, что сказал Фэтс Уоллер, когда Тейтум появился в его клубе? «Дамы и господа, — сказал он, — я играю на рояле, но сегодня к нам пришел бог». То же самое было с Оскаром Питерсоном. Питерсон, которого я хорошо знал, и Тейтум играли в Вашингтоне в двух разных клубах. Я договорился с ними, что, закончив выступать, они зайдут в один ночной бар. Питерсон закончил свое выступление и играл просто так, для себя. И как! Все обступили рояль и слушали. В разгар какого-то головокружительного пассажа Питерсон вдруг поднял голову и увидел входившего Тей-

тума. Он тут же остановился посреди арпеджио и воскликнул: «Не может быть!» И встал из-за рояля. В присутствии Тейтума он просто не мог играть.

«Голос Америки»

В 1954 году радиостанция Информационного агентства США «Голос Америки» переехала из Нью-Йорка в Вашингтон. Коллеги по станции WEAM сказали Коноверу, что «Голос» хотел бы расширить свои музыкальные передачи и ищет ведущего для новой джазовой программы. Коновер подал заявление. Его первая программа «Музыка США» вышла в эфир 6 января 1955 года.

Коновер стал внештатным сотрудником «Голоса Америки»: он никогда не состоял на государственной службе. Он особо подчеркивает этот факт. Уиллис с самого начала заявил, что не хочет вмешиваться в политику, как и не хочет, чтобы правительственная политика влияла на его программу. Но никто никогда и не указывал ему, какую музыку передавать, а какую нет.

— Если вам не понравится то, что я делаю, — сказал он как-то дирекции радиостанции, — не возобновляйте со мной контракт.

Контракт с ним возобновлялся 36 лет подряд, и программа Коновера считается одной из самых популярных программ «Голоса Америки». Газета «Нью-Йорк таймс» полагает, что Коновера каждый день слушает в мире около 30 миллионов человек, хотя сам Уиллис говорит, что это, пожалуй, преувеличение.

Но каковы бы ни были точные цифры, все сходится на том, что «Музыка США» имеет самую обширную и самую преданную аудиторию. Один дипломат из Латинской Америки назвал Коновера «лучшим послом доброй воли». По словам многих джазменов, Коновер дал им услышать много джазовой музыки и расширил их представления о джазе. Сам Коновер, однако, ставит все на свое место:

— Это заслуга не моя, а музыкантов. И потом, не будь «Голоса Америки», меня бы никто не услышал.

Коновер прекрасно подходил для «Голоса Америки»: это был не только талантливый ведущий с многолетним опытом радиовещания, но и живая энциклопедия джаза. Кроме того, Коновер обладал способностью передавать свою любовь к музыке другим, получая при этом подлинное удовольствие. Наконец, решающим фактором был голос Коновера — мелодичный, глубокий, с четкой и ясной дикцией.

— «Голосу Америки» нужен был голос, способный проходить сквозь треск электрических разрядов и помех, появляющихся на коротких волнах, — поясняет Коновер. — И поэтому я стал говорить ооочень медленно. Растягивая гласные — и — делая — паузы — между — словами. Я называл эту манеру «радиобельканто». И это себя оправдало. И оправдывает до сих пор.

В 1955 году слушатели не знали, как выглядит Коновер. И до сих пор не

знают. Но и это оказалось плюсом: Уиллис стал невидимкой, уносящим слушателей в далекий, волшебный мир джаза. Его спокойный, завораживающий голос действует почти гипнотически. Вы сидите, уютно откинувшись в кресле, ожидая, чем еще он вас порадует.

— Я считаю себя своего рода посланцом. Я хочу преодолеть все преграды между вами и музыкой. Я всегда вижу перед собой не безликую массу, а одного слушателя — умного и внимательного, — говорит Коновер.

По мнению Уиллиса, его манера натолкнула «Голос Америки» на мысль на-

*Я хочу преодолеть
все преграды между
вами и музыкой.
Я всегда вижу перед
собой одного
слушателя — умного
и внимательного».*

чать передачи на «особом английском» языке — упрощенными и медленно произносимыми фразами. Может быть, Коновер приобщил к изучению английского больше людей, чем любой учитель.

Любители джаза по всему миру часто собираются, чтобы послушать записи и поговорить о музыке. Многие такие клубы под названием «Друзья музыки США» существуют на основе программ Коновера. Остается лишь удивляться их популярности, зная о технических несовершенствах передач на коротких волнах. Передачики «Голоса Америки» достигают любого уголка земного шара, а расписание составлено таким образом, что люди во всем мире могут услышать вечером его программу. Но передачи на коротких волнах зависят от состояния атмосферы и звучат гораздо хуже, чем на средних и длинных волнах. Но джаз преодолевает все преграды, и программы Коновера пользуются популярностью даже там, где джазовые записи и концерты широко распространены.

— Каждую неделю я готовлю шесть 45-минутных джазовых программ на английском языке, — рассказывает Коновер. — Меня слышат каждый вечер в 200 городах Западной Европы. Кроме того, программы записываются и транслируются радиосетями нескольких стран Восточной Европы. Я веду также музыкальные программы на другие части света. Я говорю по-английски, а мои коллеги по «Голосу

Америки» переводят меня на языки своих регионов.

— Помимо джаза я веду две получасовые программы популярной музыки, — продолжает Коновер. — Это неувыдающие песни Гершвина, Берлина, Керна, Роджерса и других. Они представляются мне американским эквивалентом арий из европейских опер. Каждую неделю я делаю получасовую программу, которая передается по польскому радио. Это такие пластинки, которые ставят, когда приходят гости. Программа так и называется: «Музыка для друзей».

Коновер составляет каждую программу с учетом предыдущих и последующих передач. Идея и настроение программы, ее композиция профильтровываются в его голове и сердце. Уиллис сравнивает этот процесс со стихосложением или композицией:

— Если вы пишете сонет, вам сначала приходят в голову заключительные строки, которые выражают то, что вы хотите сказать, а потом уже вы начинаете думать о том, как лучше к ним подвести. Иногда мне кажется, что композитор таким же образом строит симфонию. Должна быть тема, вариации к ней, движение и кульминация. А может быть, точнее сравнить это с кулинарным делом: хороший кулинар знает, что должно получиться, и готовое блюдо у него всегда вкуснее ингредиентов.

При выборе музыки для своих передач Коновер оставляет в стороне личные предпочтения.

— Программа должна удовлетворять моим критериям. Нередко я передаю вещи, достойные внимания, но которые я вряд ли стал бы слушать для собственного удовольствия. Я стараюсь отразить все джазовое многообразие и показать слушателям, как звучит хороший джаз. И я стараюсь соблюдать равновесие между самыми последними записями и пионерами этого жанра. Мои критерии — творческое дарование, искренность исполнения и подлинный профессионализм. Я ясно слышу разницу между хорошей и посредственной игрой. Именно поэтому, хотя я разбираюсь в нотах и даже кое-что сочиняю, я никогда не пытался играть. Потратить полжизни на освоение техники только для того, чтобы стать посредственным исполнителем, — нет уж, увольте!

Чтобы не пропустить что-либо стоящее, Коновер следит за данными о продаже дисков и хит-парадами в журнале «Биллборд».

— Я просматриваю списки «Джаз» и «Современный джаз», хотя редко беру что-нибудь из этой последней категории, связанной с рок-музыкой. Короче, я никогда не передаю того, что мне не нравится. Я всегда стремился включать в программу самое лучшее. Мой рецепт прост: хорошая музыка плюс разговор о джазе — и никаких разглаговльствований! Я никогда не делал политических заявлений, и люди во многих странах были мне за это благодарны. Они говорили: «Мы могли вас слушать, не боясь навлечь на себя неприятности». Я не

рекламирую Америку — она не нуждается в рекламе. Я не рекламирую джаз. Музыка говорит сама за себя.

Свою студию Коновер называет «заклавленной каютой». Она крохотная, там уместается только один свободный стул для посетителя или для того, кого Коновер интервьюирует. Его студию трудно найти, за что Уиллис ее и любит. На двери нет никакой таблички. Выходящие в коридор окна заклеены черной бумагой, так что вы можете сто раз пройти мимо и не знать, что там кто-то сидит. Стол завален стопками компакт-дисков, лент и кассет (пластинок больше нет, этот вид звукозаписи устарел и пластинки отправлены в архив). Кроме того, сотни вырезок, конвертов, фотографий, концертных программ, пресс-бюллетеней, расписаний, рукописей, журналов, памятных вещей, связанных с джазом, и писем от слушателей со всех концов света. Самое удивительное, что Коновер безошибочно разбирается в этом нагромождении и точно помнит, где что лежит.

Коновер необычайно высоко ценит своего талантливого звукоинженера Ефима Друкера, который обеспечивает высокое качество и техническую безупречность его записей. Эти законченные профессионалы прекрасно сработались, у них появилось шестое чувство, когда надо вступать, останавливаться, проговаривать текст или записывать музыку. Практически все записывается за один «дубль».

Ефим Друкер родился в Советском Союзе и приехал в Америку в 1973 году. Он предпочитает не работать по субботам, поэтому Коновер тоже не работает по субботам. В аппаратной Друкера царит чистота и порядок, в полную противоположность студии Коновера. Единственное украшение — несколько портретов джазменов на стене: Друкер тоже большой знаток джаза.

— Всем, что я знаю о джазе, — говорит Ефим, — я обязан Уиллису. Я начал слушать его программы еще в Москве, когда мне было 14 лет, и с тех пор я его верный поклонник. Но никогда, даже в самых смелых мечтах я не мог себе представить, что когда-нибудь мы будем работать вместе!

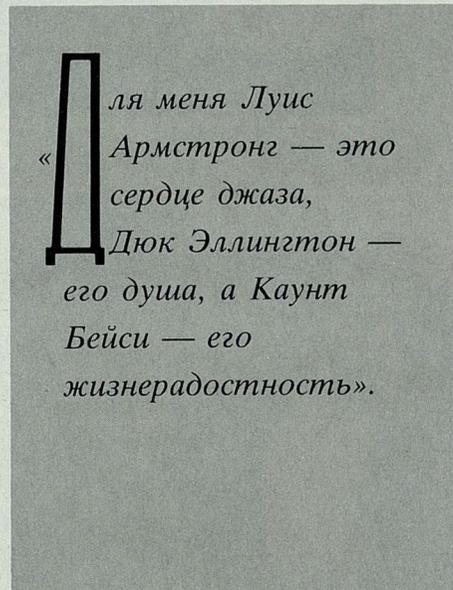
В мастерстве Ефима Друкера можно убедиться, когда он начинает работать с пленкой. Отобранная музыка записывается заранее, затем монтируется голос Коновера. Кажется, что в голове Друкера электронный хронометр: он точно знает, сколько времени будет звучать тот или иной сегмент; его руки перемещаются по пульту с хирургической точностью или, поскольку разговор идет о джазе, с отточенностью хорошего джазового ударника.

Многогранный талант

В начале своей карьеры Коновер нередко устраивал концерты джазовых исполнителей. Он знал музыкантов и был хорошим организатором. Вашингтонские энтузиасты джаза любовно вспоминают его ночные субботние кон-

церты в зале «Хауард», сыгравшем большую роль в жизни многих негритянских музыкантов. Коновер приводил туда таких звезд, как Рой Элдридж, Колман Хокинс, Майлс Дейвис, Телониус Монк, Сэмми Дейвис и У. С. Хэнди по прозвищу «Отец блюза».

— Я любил толочься за сценой, разговаривать с артистами. Особенно мне нравилось говорить с Дюком Эллингтоном, музыку которого я просто обожал. Когда я представлял в «Хауарде» Луиса Армстронга, мы делили грим-уборную с Джеком Тигарденом, следующая дверь была Эрла Хайнса, а комната Луиса бы-

«*Для меня Луис Армстронг — это сердце джаза, Дюк Эллингтон — его душа, а Каунт Бейси — его жизнерадостность.*»

ла в конце коридора. У Джека в футляре его тромбона был вмонтирован маленький радиоприемник. Если передавали хорошую музыку, Джек брал тромбон и начинал подыгрывать. Услышав это, Луис брал трубу и присоединялся к нему. И я думал: «Боже мой, кому-нибудь рассказать — не поверят!»

В 1958 году Коновер переехал из Вашингтона в Нью-Йорк, где стал вести музыкальную программу на радиостанции крупной коммерческой сети Си-Би-Эс. Он занимал шестикомнатную квартиру, окна которой выходили на Центральный парк. Саксофонист Джерри Муллиган, живший по соседству, часто заходил в гости. Здесь, в гостиной Коновера, впервые знакомы друг с другом многие выдающиеся исполнители джаза. Работа в Нью-Йорке была крупным шагом в радиокарьере Уиллиса Коновера. Но он не мог расстаться со своим джазовым шоу и несколько лет подряд каждую неделю ездил в Вашингтон, чтобы записывать программы на «Голосе Америки». Работать приходилось день и ночь, поездки выматывали силы. В конце концов он отказался от Нью-Йорка, хотя зарплата на Си-Би-Эс была в два раза больше, чем на государственной радиостанции.

— То, чем я занимался на «Голосе», было для меня важнее, — говорит он.

Коновер был консультантом, продюсером и ведущим сорока джазовых концертов в Белом Доме. Самым памятным

из них был концерт в 1969 году в честь 70-летия Дюка Эллингтона (фото на стр. 53). На одном из концертов в Белом Доме трубач Диззи Гилеспи уговорил Президента Джимми Картера, имевшего прежде в Джорджии арахисовую ферму, спеть начальные строки известной песенки «Соленые орешки».

— Помню, какой восторг это вызвало у персонала Белого Дома, — рассказывает Уиллис. — Обычно официальные мероприятия проходят там чинно и скучно. А тут джаз! Белый Дом ходил ходуном!

Что такое джаз?

Коновер, имеющий четкие представления по многим вопросам, удивительно широк в определении джаза как жанра:

— Джаз — это американская классическая музыка, — говорит он. — Утверждают, что рок — такая же разновидность джаза, как диксиленд, сунг и бибоп. Умом я это допускаю, но сердце говорит мне иное. Подобно всему живому, джаз постоянно растет и меняется. Я не считаю его «негритянской» музыкой. Джаз появился в результате взаимодействия белой и черной культур в Америке. В тех местах на Юге, где негры жили без всякого контакта с белыми, джаз не появился. Блюзовое пение, игра на гитаре, лежащие в основе джаза, не превратились в джаз. Джаз — это уникальное явление искусства, при котором негритянские корни подвергались сильному воздействию белой культуры. Вы найдете выдающихся мастеров джаза среди немцев, шведов, поляков, чехов, венгров, русских. Хотя никто из них, включая и белых американцев, не стал Армстронгом, Эллингтоном, Чарли Паркером или Джоном Колтрейном.

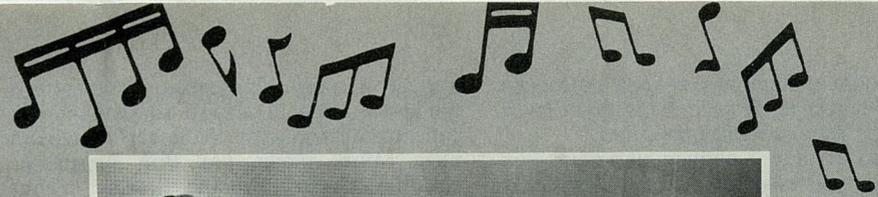
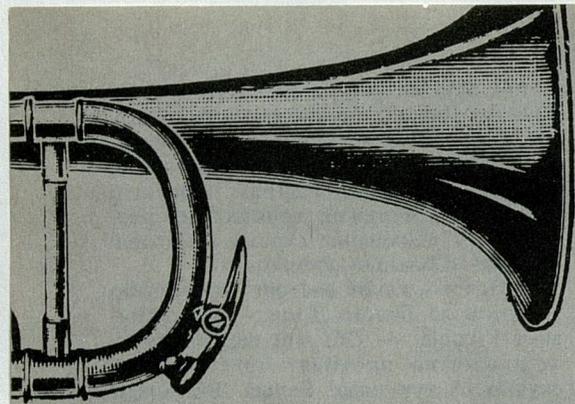
Коновер продолжает:

— Дирижер Андре Превен сказал мне однажды: «Ненавижу выражение «серьезная музыка», потому что оно предполагает, что джаз — нечто вроде забавы. Это неправда!» Джаз столь же серьезен и требует такой же дисциплины, как любая музыка. Когда Бах импровизировал на органе, современники возмущались: почему он не играет так, как музыка написана? А потом Бах спрашивал: «Как я тут играл?», садился и записывал только что исполненное. У них ведь тогда не было магнитофонов. Сегодня Бах был бы настоящим джазменом.

Коновер приемлет в джазе многое, но не все.

— Первой понравившейся мне пластинкой была «Чероки» в исполнении Чарли Барнета. Я стал искать по магазинам записи его оркестра. И вскоре обнаружил, что большинство находок на самом деле принадлежат Дюку Эллингтону. Я стал слушать Дюка, а потом и маленькие ансамбли его предшественников.

Любовь к музыке Эллингтона Коновер сохранил на всю жизнь. Позывными его программы служит строчка из эллингтоновской песни «Садись на поезд Эй». Другая его программа открывается еще одной темой Дюка «По

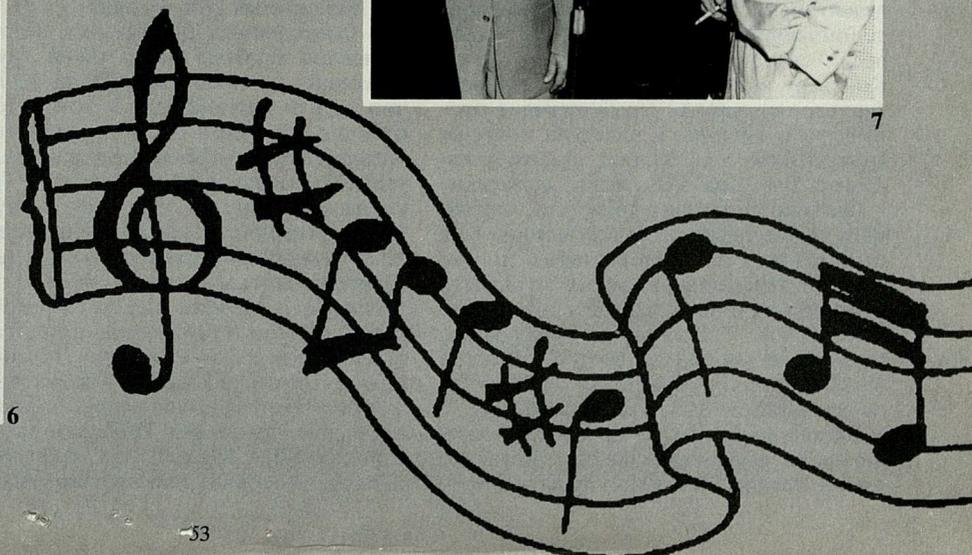

Фотографии из альбома вырезок Уиллиса Коновера: 1. Ударник Джин Крупа и гитарист Эдди Кондон в студии Коновера на «Голосе Америки». 2. Чествование в Белом Доме Дюка Эллингтона, организованное Коновером. Слева направо: Дейв Брубек, Хэнк Джонс, Джим Холл, Том Уэлли, Пол Десмонд, Эрл Хайнс, Джерри Муллиган, Билли Тейлор, Мэри Мэйо, Милт Хинтон, Уиллис Коновер, Президент Ричард Никсон, Луи Беллсон (за Коновером и Никсоном), Кларк Терри, Дюк Эллингтон, Джо Уильямс, Эрби Грин, Джей Джей Джонсон, Билл Берри. 3. Луис Армстронг в студии Коновера. 4. Серьезный разговор с Эллингтоном. 5. Веселый разговор с Армстронгом (на фото надпись: «Голосу Америки» от Сачмо Луиса Армстронга). 6. С Оскаром Питерсоном. 7. Джазовые гиганты у микрофона Уиллиса Коновера: трубач Бобби Хаккетт, кларнетист Барни Бигард, Луис Армстронг и руководитель джаз-банды Вуди Херман.

5

7

6

ту сторону дороги» в исполнении кларнетиста Барни Бигарда.

— Я даже пытался строить свои программы по-эллинтонговски: развивая тему вариациями, — говорит Коновер.

Но какой бы темой он ни начинал, когда программа «Музыка США» выходит в эфир, любители джаза во всем мире уже сидят у своих приемников.

Коновер неохотно называет имена своих любимых исполнителей, особенно из числа ныне здравствующих, но в интервью Ройалу Стоксу, автору недавно вышедшей книги «Панорама джаза», он сказал: «Для меня Луис Армстронг — это сердце джаза, Дюк Эллинтон — его душа, а Каунт Бейси — его жизне-радость. Солист, который трогает меня сильнее всех — я говорю «трогает», потому что он по-прежнему жив в записях, хотя он и умер, — это саксофонист Бен Уэбстер, многие годы игравший с Дюком. Для меня нет ничего прекраснее баллад «Где ты?», «Голубая луна», «Мост Челси», «Зачем я здесь?» в исполнении Уэбстера».

Коноверу нравятся и другие музыкальные формы («оперную певичку Беверли Силлс я не могу слушать без слез»), но коммерческая «радиомызыка», которую исполняют в торговых центрах и лифтах, его раздражает.

Уиллис Коновер — не просто радиоголос, рассказывающий миру о джазе. Он — знаток джаза, мастера которого отдают ему должное лаконичным признанием: «Он понимает джаз!». У него глубокие убеждения, он совершенно искренен, его вкусы нюансированы, как сама музыка. Высокий, худой (он особенно похудел после того, как заболел раком), Коновер одевается просто, без всяких претензий. Сдержанная манера речи, так хорошо знакомая его слушателям, — это речь воспитанного джентльмена. Своей учтивостью он напоминает университетского профессора. Он исключительно начитан. Он большой авторитет. Но за внешностью ученого кроется человек, самозабвенно влюбленный в джаз.

Он немного романтик, мечтатель, любит читать свои стихи. Но он к тому же, как это ни парадоксально, невероятно педантичен и взыскателен в своей работе (он настаивает, что Армстронг произносил свое имя как Луис, а не Луи). Коноверу нет равных в чтении корректур: его острый глаз сразу находит пропущенную запятую. Слушатели могут не сомневаться: если Уиллис называет какую-то дату, она обязательно выверена.

Он никогда не был диктором, читающим чужие тексты. Он всегда пишет их сам. Иногда он пишет статьи (в том числе и для международных журналов) и тексты на обложки пластинок и компакт-дисков. Собственные писания его никогда не удовлетворяют. Возможно потому, что он сравнивает их с отточенной прозой Х. П. Лавкрафта...

Десять лет назад он начал переписываться со слушательницей из Китая по имени Эвелин Тан. Она слушала Коно-

вера много лет, еще в те времена, когда включать «Голос Америки» в Китае было очень опасно. Эвелин писала Уиллису, как много для нее значат его программы. Позже они встретились и вскоре поженились. Эвелин Тан имеет две ученые степени — в области истории и журналистики. Кроме того, она художница. Ее рисунки пером и статьи публикуются во многих изданиях. Она говорит на шести языках и работает сейчас редактором в международном отделе газеты «Ю. Эс. Эй. тудей».

Студия Коновера усеяна пепельницами с окурками — он курильщик с

Я стараюсь соблюдать
«равновесие между
самыми последними
записями и пионерами
этого жанра. Мои
критерии — творческое
дарование, искренность
исполнения и подлинный
профессионализм».

55-летним стажем. Правда, после заболевания раком горла он курит меньше:

— Я много раз пытался бросить курить... Как говорил Марк Твен, это легко: он бросал сотни раз!

Рак грозил оборвать его радиокарьеру. Но каким-то чудом болезнь не отразилась на звучании голоса, и он не прерывал передачи ни на один день. Коновер знает, что ему пока везет, хотя болезнь не прошла без последствий. Радиотерапия разрушила опухоль, но дала побочный эффект: у Уиллиса нарушены вкусовые ощущения и функция слюнных желез. Теперь в его комнате можно увидеть баночки с искусственной слюной для увлажнения рта и горла.

В Соединенных Штатах имя Уиллиса Коновера знакомо лишь узкой группе джазменов и любителей. Одна из причин этого заключается в том, что, в отличие от Би-Би-Си и других национальных сетей, «Голос Америки» нельзя услышать в Америке: он вещает только на заграницу. В 1948 году Конгресс США утвердил закон об учреждении Информационной службы Соединенных Штатов, частью которой стал «Голос Америки». Многие члены Конгресса были против учреждения правительственного ведомства, которое могло бы влиять на американское общественное мнение. Поэтому закон запретил распространение продукции Информационной службы США (такой, как программы «Голоса Америки» или журнал «Амери-

ка») на территории США. Таким образом, чтобы услышать программу Коновера, нужно иметь коротковолновый приемник, настроенный на заграничные сигналы «Голоса Америки». Американцы же слушают только средние- и длинноволновые радиоприемники...

Ройал Стокс пишет: «В той форме искусства, где так ценится ирония, самой большой иронией надо считать неизвестность Коновера в своей стране, в той самой стране, где родился джаз... Между тем в Америке вся аудитория джаза за все годы его существования не может даже сравниться с той, которую Коновер собирает за пару недель».

Влияние Коновера на мир джаза

Привлекательность джаза сделала эту музыку всемирным явлением. И огромную — если не основную — роль в этом процессе сыграл Уиллис Коновер. Его аудитория — это буквально весь мир. Ни одному человеку не выпадала миссия нести музыку джаза и информацию о нем столь обширной аудитории. Среди зарубежных музыкантов его имя всегда стоит рядом с именами джазовых исполнителей, которых он интервьюировал и чью игру транслировал по радио. Заслуга Коновера заключается в том, что джаз — крупнейший вклад Америки в мировую культуру — получил такое распространение и такую высокую оценку.

Когда Президент Польши Лех Валенса пригласил Коновера на официальный банкет в посольстве в Вашингтоне в прошлом году, польский посол сказал Уиллису: «В нашей стране вы легенда!» Зайдите в любое студенческое кафе в Варшаве или Праге и спросите, кто такой Уиллис Коновер, — его знают все!

После десятков интервью с джазменами в России, Польше, Южной Африке, на Кубе и в других странах я понял роль Коновера: он просветитель и вдохновитель. На его программах учились бесчисленные музыканты, и многие из них стали профессиональными джазменами в своих странах.

Уиллиса Коновера можно считать счастливым человеком: он любит свою работу. Сейчас, достигнув возраста, когда можно подумать и о пенсии, он не потерял ни капли живого интереса к джазу. Его поразительно долгая и насыщенная творческая жизнь обеспечила ему видное место в пантеонах радио и джаза. После четырех десятилетий радиовещания на весь мир он составил себе имя всюду — даже среди знатоков и ценителей джаза в Америке! ■

Дейв Бэрнс — джазовый тромбонист и контрабасист, руководитель вашингтонской группы «Хот мастард джаз-бэнд». Его статья «Ирвинг Берлин — отец американской песни» была напечатана в журнале «Америка» № 382 в сентябре 1988 года.

Уиллису Коноверу можно писать по адресу: Music USA, The Voice of America, Washington, DC 20547